

МРНТИ

Масюк О.П.

кандидат философских наук, доцент, доцент,
Запорожский национальный университет, Украина, г. Запорожье,
e-mail: olegpm16@gmail.com.

СОЦИАЛЬНАЯ НАДЕЖДА В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

В статье анализируется влияние надежды как проекции будущего на содержание и специфику национального менталитета. Автор исследует феномен социальной надежды как средство для выживания культурно-национальной общности в перспективе. В исследовательской работе использовался компаративистский анализ и реконструкция влияния национальных представлений о будущем на формирование менталитета.

Социальная надежда рассматривается как предпонимание будущего существования, которое основано на обновляющемся опыте успешной практики жизнедеятельности, отраженной в ментальной среде. В ходе работы было проанализировано формирование темпоральной оси социальной надежды в национальном менталитете. Особое внимание уделялось распределению и миграции субъектности в перспективных общественных отношениях. Отмечено, что важную роль в существовании данного феномена играет наличие и качество «голоса нации», который служит образцом для будущего развития.

Практическое значение итогов работы заключается в обосновании понятия социальной надежды в качестве значимого фундамента проекции будущего в менталитете. Материал исследования может быть использован для преподавания курсов «Онтология», «Аксиология», «Прогнозирования социальных процессов».

Ключевые слова: социальная надежда, национальный менталитет, будущее, субъектность, когитация, хронотоп, фрейм, репетитивность, культурно-национальная общность.

Masiuk O.P.

PhD, Associate Professor, Associate Professor of Social Philosophy and Management,
Zaporizhzhya National University, Ukraine, Zaporozhye,
e-mail: olegpm16@gmail.com.

Social hope in the structure of the national mentality

The article analyzes the impact of hope as a projection of the future on the content and specifics of the national mentality. The author explores the phenomenon of social hope as a means for the survival of the cultural-national community in the future. The research based on the comparative analysis and reconstruction of the influence of national ideas about the future on the formation of mentality. This phenomenon considered as a pre-understanding of future coexistence, which based on the renewing experience of successful social practice, reflected in the mental environment. In the article analyzes the formation of the temporal axis of social hope in the national mentality. Special attention paid to the distribution and migration of subjectivity in promising social relations. It is noted that the presence and quality of the «voice of the nation», which serves as a model for future development, plays an important role in the existence of social hope. The practical significance of the work results lies in the substantiation of the concept of social hope as a significant foundation for the projection of future in mentality. The research material can used for teaching courses «Ontology», «Axiology», and «Prediction of social processes».

Key words: social hope, national mentality, future, subjectivity, cogitation, chronotope, frame, repeatability, cultural-national community.

Масюк О.П.,

философия ғылымдарының кандидаты, доцент, әлеуметтік философия және басқару кафедрасының доценті, Запорожье ұлттық университеті, Украина, Запорожье қ.,
e-mail: olegpm16@gmail.com.

Ұлттық менталитет жүйесіндегі әлеуметтік үміт

Мақалада болашақтың проекциясы болатын үміттің ұлттық менталитеттің мазмұны мен ерекшеліктеріне ықпалы талданады. Автор әлеуметтік үміт құбылысын болашақта мәдени-ұлттық қоғамдастықтың тіршілік ету құралы ретінде қарастырады. Зерттеу жұмысында болашақ туралы ұлттық идеялардың менталитеттің қалыптасуына ықпалын талдайтын компаративистік анализ бен қайта құру қолданады. Әлеуметтік үміт болашақ өмір туралы алдын-ала түсінік ретінде қарастырылады, және ол менталды ортада көрініс тапқан жаңартылып отыратын табысты өмірлік тәжірибесіне негізделеді. Жұмыста ұлттық менталитеттегі әлеуметтік үміттің темпоралды осінің қалыптасуы талданды. Болашақтағы қоғамдық қатынастардағы субъектіліктің миграциясы мен таралуына баса назар аударылды. Мақалада болашақта дамудың үлгісі ретінде қызмет ететін «ұлттың даусы» болуының және сапасының орын алуы бұл құбылыстың өмір сүруінде маңызды рөл атқаратыны атап өтіледі. Жұмыстың нәтижесінің практикалық маңыздылығы – менталитеттің болашағын проекциялауда маңызды іргетасы болып табылатын әлеуметтік үміт тұжырымдамасын негіздеуде. Зерттеу жұмысының материалдарын «Онтология», «Аксиология», «Әлеуметтік үдерістерді болжау» курстарын оқытуда пайдалануға болады.

Түйін сөздер: әлеуметтік үміт, ұлттық менталитет, болашақ, субъектілік, когитация, хронотоп, фрейм, репетативтілік, мәдени-ұлттық қауымдастық.

Введение

Конструктивное представление, как и слепота в понимании перспективы организации общественных отношений задают координаты для жизни человека. Надежда как навык выживания появилась из перспективного видения существования в социуме, основанного на общественно-историческом опыте и текущей социальной практике, а, следовательно, стала мерой жизни и источником её фактического наполнения. Социальная надежда – это составляющая менталитета общества, которая обосновывает перспективную пролонгацию установившегося порядка в общественных отношениях. При этом, разрыв «цепи времен» может повлечь за собой отказ от надежды, что находит своё отражение в безнадежности ментальных преставлений о будущем существовании и уменьшении наличного духовного пространства жизни.

Принято говорить о менталитете как о средоточении апостериорной практики общественной жизни, которое экстраполируется на интенциональное будущее. Он описывается как отражение жизни нации, и находится в хронотопном контексте.

Надежда также зависима от качества существования в социуме. Травматический опыт приводит к её искривлению, изменяя протяженность во времени и пространстве, сокращая содержание и границы жизни человека в это своей роли (инволюция тут-бытия). Параллельно в со-

знании человека акцент может переноситься на «прекрасное далёко», где трансцендентное бытие служит заменой безнадежному существованию. Таким является время пустых мечтателей и фантазеров.

Счастливые исходы не интересны не только публике, но и исследователям. Так, акцент на анализ отпечатков ментального кризиса позволяет выработать лучшее понимание социальной надежды, которая способствует гармоничному развитию общества. Таким образом, анализ социальной надежды в структуре национального менталитета является актуальным направлением поиска меры будущей жизни и её наполнения в дрящемся настоящем.

Методы

В рамках выбранной темы большой интерес вызвал особый пласт апостериорных практик-рекомендаций по освоению будущей жизни, который запечатлен в национальном менталитете, а также находит свое отражение в жизни разного рода социальных общностей. Не оставлял сомнения тот факт, что эти практики оказывают качественное воздействие на создание уникального феномена социальной надежды как важной части общественной жизни.

Одним из основных этапов исследования стал анализ национально-культурного нарратива проектирования будущего, который показал уникальность и специфичность случаев реализо-

ванных проекций будущего и общую тенденцию миграции статуса субъекта в процессе создания и реализации социальной надежды. Кроме того, осмысление структуры психологической и мыслительной практики создания надежды внесло коррективы в понимание механизма её функционирования в контексте взаимодействия «менталитет – ментальность». При этом, использование компаративистского анализа ментальных проявлений данного феномена послужило основой для определения социальной надежды как универсального средства для организации выживания народа в неопределенной перспективе будущей жизни.

Обзор литературы

Анализ исследовательских точек зрения показал удивительно разнообразную палитру взглядов и мнений на указанную проблематику. Важным сегментом для построения работы стало переосмысление трудов, направленных на изучение формирования норм реакции на происходящие и грядущее. Среди них выделяются труды Л. Леви-Брюля «Первобытный менталитет» (Primitive mentality), Э. Сайоли «Сеть надежды» (Le réseau de l'espoir), Д. Майерса «Психология» (Psychology), Дж. А. Симмонса «Радостная жизнь после потери социальной надежды» (Living Joyfully after Losing Social Hope), а также М. Лабковского «Хочу и буду».

Особняком в исследовании мыслительных проекций будущего стоят искатели, которые подчеркивают национальную специфику формирования социальной надежды на ментальном уровне. Особого внимания заслуживают работы А. Кунанбаева «Слово и назидание», Т. Шевченко «Кобзарь», Г. Гачева «Ментальности народов мира», А. Прасола «Япония. Лики времени».

Провести тонкую грань между менталитетом и ментальностью с интенцией на значение надежды способствовали изыскания О. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов», Т. Радбиль «Основы изучения языкового менталитета», а также коллективное исследование В. Красика, О. Прохвачевой, Я. Зубковой, Э. Грабаровой «Иная ментальность».

К раскрытию влияния социальной надежды на общественную жизнь подводят научные поиски Р. Рорти «Философия и социальная надежда» (Philosophy and Social Hope), Э. Фромма «Революция надежды. Избавление от иллюзий» (The Revolution of hope), Дж. Скотт «Моральная

экономика крестьянина» (The Moral Economy of the Peasant), Дж. М. Грин «Прагматизм и социальная надежда» (Pragmatism and Social Hope). Данный комплекс профессиональных мнений позволил создать качественный фундамент для формирования целостного представления о социальной надежде в структуре национального менталитета.

Результаты и обсуждение

Обратимся более детально к понятию «менталитет». Он представляется нам как образ мышления, сформированный на основе эмоциональной переработки традиционного видения и самосвершения социального мира. Менталитет содержит в себе глубокий отпечаток обыденного знания – метиса (Scott 1977), которое обеспечивало выживание общества на протяжении долгого времени его существования. Следовательно, он богат архаикой из забытого прошлого, которая влияет на неизвестное будущее. Менталитет насыщен хронотопной иррациональностью, но он же и эффективен своей побудительной силой выживания людей, объединенных в культурно-национальную общность. С учетом многонациональности большинства современных обществ и специфики понимания развития нации более уместно говорить именно об общности как группе людей, объединенных языком, традициями и целостным представлением о собственном будущем.

Первооткрыватель понятия «менталитет» Л. Леви-Брюль настаивал на осмыслении источников надежды и безнадежности, ориентируясь на восприятие жизни и смерти в первобытном племени. Он писал: «Говоря точнее, ни одна смерть не случайна, поскольку для первобытного менталитета не может быть никогда несчастного случая в собственном смысле слова. То, что нам европейцам, кажется случайным, для них есть всегда проявление мистической силы, которая этим дает о себе знать индивиду или социальной группе» (Levi-Bruhl 2018:29). Подобное обоснование жизни позволяет переносить статус субъекта на всевозможные мистические силы и перекладывать надежду именно на них.

Мистика выступает как практика наводящего воздействия сакрального на обыденное. Эта ситуация всегда оставляет надежде место на существование, что значительно увеличивает вероятность продления жизни человека в обществе. Удивительно то, что полный отказ от мистики лишает человека инструмента позитивно-

го виденья будущего на уровне менталитета.

Давайте перейдем к понятию «надежда». Э. Фромм утверждал, что: «Надежда парадоксальна. Это не пассивное ожидание и не формирование событий. Она подобна затаившемуся тигру, который прыгает лишь тогда, когда для этого настал момент» (Fromm 2010:31). Исходя из выше сказанного, надежду можно представить, как парадоксальное и маргинальное явление, которое влечёт человека в будущее, попеременно меняя рациональные и эмоциональные картины желаемого существования, чем образует перспективный путь развития.

Комплексное представление о надежде раскрывает Э. Сайоли. Он настаивает: «Я считаю, что надежду можно рассматривать как четырехстороннюю эмоциональную сеть, построенную из биологических, психологических, социальных и духовных ресурсов. Хорошо построенная сеть надежды дает адекватное отражение расширение возможностей» (Scioli 2016). Следовательно, социальная надежда есть апофеоз темпорального движения по данной сети на основе когитации членами общности относительной разницы между наличным и желаемым, что объективируется как взгляд на «вперед-бытие» в социальном пространстве.

Р. Рорти направляет свои усилия на формулирование общей картину будущего мироустройства. Он настаивал на том, что надежды на объединение человечества в единое глобальное сообщество являются ложными, так как каждая национальная общность имеет собственную уникальную картину будущего мира (Rorty 1999). Стоит отметить, что необоснованность продвижения проекции надежды может компенсироваться соучастием вовлеченного большинства в оформлении картины будущего. Её значение для культурно-национальной общности легализируется усиленной субъектностью большинства, которая оправдывает выбор вектора перспективного самосвершения силой подавляющей массы. При этом, надежда оказывает инверсивное воздействие на менталитет как хранилище для накопления опыта выживания и развития в социальном пространстве.

О. Корнилов считает, что формирование менталитета происходит в процессе развития языковых символов и значений. Он пишет: «Язык, осуществляя своё предназначение, служит средой, сцепляющей индивидов во времени и пространстве, заполняет сознание человека, структурирует его этнически особенным образом, подключает его к национальным родникам духовности»

(Корнилов 2003:113). Язык скрепляет не только людей во времени, но и время в людях. Позитивная когитация перспективы позволяет найти человечность во времени и предложить её другим. Следовательно, причинно-следственные вероятности и межличностные контакты придают значение надежде на существование, что наделяет это феномен аподиктической социальностью. Она формируется за счет практики доверительной проекции будущего на уровне одной культурно-национальной общности.

Отношение людей ко времени формирует темпоральную ось надежды в национальном менталитете. Г. Гачев говорит о восприятии времени в немецком обществе: «Для германцев – время роднее. Согласно Канту, время есть априорная форма чувственности человека, а *Innere* – внутренняя жизнь души, – привилегированная ценность в германской шкале сверхидей» (Гачев 2008:19). Трепетное отношение ко времени выводит понимание надежды на уровень чувственного идеала будущего. Это попытка задать ритм и направление течению внутренней жизни души, чтобы результат устраивал человека на уровне хротопа в его социальной жизни.

Акцентирование внимания на хронотопе влияет на более приземленное отношение к надежде в жизни человека. Г. Гачев рассуждает о специфике восприятия времени в Америке: «...англосаксы высадились сюда с принципом труда и времени как его меры. Так что отношение пространства ко времени, т.е. скорость здесь важнейшее: отсюда быстрота, успех – ценности» (Гачев 2008:19). В американском менталитете пространственно-временные координаты обрели субъектную точку притяжения – успех, который был направлен скорее не на душевное блаженство, а на выживание человека. Смещение внимания с души на успех делает надежду более приземлённой частью практической жизни народа, что получает свое отражение в его ментальной среде.

Особенный интерес для исследователя вызывает морально-этический фундамент социальной надежды, так как она не может возникать из ниоткуда, а является продуктом национальной ментальности. Подобная национальная традиция в Японии называется *гири*: «...совокупность моральных принципов и обязательств перед другими людьми. Это очень широкая категория, конфуцианская по своей сути. В ней различаются долг признательности, долг покровительства, долг преданности, сыновний долг и другое» (Прасол 2008:132). Следовательно, надежда в

социальном мире – это синоним понятности и доверительности общественных отношений, что делает их предсказуемыми и надежными.

Менталитет включает в себя концептуальную систему абстрактных образов, в которой объекты аксиокультурного мира наделяются характеристиками наглядных явлений и процессов в реальном социальном мире. Т. Радбиль дает такой пример: «При употреблении выражения искоренить зло имплицитно представляется, что у зла есть корни, а в контексте луча надежды – надежда переосмыслена как источник света» (Радбиль 2010:103). Подобное описание надежды связано с объективацией предметов в окружающем пространстве, что дополнительно может вдохнуть в человека силы на развертывание проекции будущего во внешнюю социальную жизнь.

Социальная надежда выступает фреймом, на основе которого формируется будущее общественно-национальное развитие. Т. Радбиль говорит, что фрейм – «...это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что нет» (Радбиль 2010: 216). Фрейм – это ментальное отражение столпов надежды, которое является традиционным и предсказуемым в данной культурно-национальной общности.

Одним из основных фреймов надежды является помощь героя. Это следующий перенос статуса субъекта, который приходит после переосмысления роли мистических сил в будущем и настоящем человека. Параллельно в любой культуре и в любом менталитете должен обязательно существовать образ соседа-антагониста, которого обязательно необходимо победить для достижения счастливого будущего. Скорее всего, это виденье будущего заимствовано еще со времен сосуществования первобытных племен, но оно нашло отражение и в современных системах народного выживания.

Надежда на победу ведома эволюционной природой человека, что приводит к образованию целого пантеона победителей, которые служат идеальным примером для подражания в построении успешных проекций будущего. Именно так в народе возникают сказания об Илье Муромце, Кобланды-Батыре, Давиде Сасунском, Уильяме Уоллесе, Сиде Кампеадоре и других национальных героях.

Своеобразие понимания гармонии добра и зла вызывает отрицание надежды как перспективной формы организации будущего. Подобное темпоральное видение социального мира находит своё подтверждение в рыночных нормах существования. Закон «Коперника – Грешема» утверждает, что необеспеченные деньги обязательно вытеснят те, которые обеспечены золотым запасом страны, так как они имеют разную природу возможностей и функциональность. Замена этики стандартом на этику возможностей дает иной импульс для развития надежды в социокультурном пространстве, который находится за гранью добра и зла общественной жизни. Безусловно, возврат к золотому стандарту в денежном обращении невозможен, но в восприятии и понимании будущей жизни на уровне национальной общности он буквально необходим.

Надежда вытекает из детерминистских представлений об образце будущего порядка в социальном мире. Подобное представление о желаемом существовании передаются через людей, которых можно назвать «голосом нации». А. Кунанбаев был достаточно строг к соотечественникам и задавал высокие стандарты перспективного национального поведения. Он настаивал: «Кому из нас не приходилось бывать в беде? Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве после суровой зимы не происходит полноводная цветущая весна?» (Кунанбаев 1970:138). Субъектно-субъектное понимание надежды от «голоса нации» индуцирует развитие в национальном менталитете образцов перспективной жизнестойкости и деятельного настроя на будущее.

Одним из древнейших экспортеров ментальных представлений о возможном будущем существовании являются шахматы. По словам Г. Гачева: «Шахматы – игра, изобретенная в Индии, – отражают Индийский Космос, избилующий бесконечными комбинациями элементов и неисчислимыми переселениями, превращениями душ. И если пешка (=существо нищей касты) следует законам своей драхмы, то в конце своего существования она имеет шанс возродиться в высшей касте – явиться ферзём с другими уже правилами поведения и передвижения» (Гачев 2008:77). Индийское общество характерно своей жесткой кастовой системой. К сожалению, подобного рода интенция на счастливое будущее в трансцендентной перспективе является эскапизмом в жестоких реалиях настоящего.

Отсутствие возможности объяснить грядущее стимулирует возникновение мистического

толкования будущего, которое откладывается в национальном менталитете. Исследуя психологию своих соотечественников М. Лабковский отметил: «Есть такая общенациональная идея, что «за хорошо» придётся платить. А тревога по поводу того, что платить придётся уже скоро – это общенациональная эмоция» (Лабковский 2017:55). Общественно-государственная репетитивность страха и практика иррационального наказания искажает ментальные нормы будущего поведения и формирует чувствительную неспособность к надежде на гармоничную и счастливую жизнь. Социальная надежда рождается и умирает из-за возникновения подобных коллективных эмоций, которые формируют предпонимание будущего сосуществования и трансформируется в процессе его фактического свершения в совокупность темпоральных значений общественного бытия.

Специфика темпоральной когитации предполагает, что надежда обнаруживает себя ежедневно в настоящем на основе субъективно ориентированной социальной практики. Данный волевой акт основан на апостериорной организации перспективы существования, но это опыт полученный сейчас и тут же воплощенный.

Кроме того, ментально-исторический ландшафт и динамика человеческой жизни может акцентироваться в типах личности, которым свойственна надежда, ориентированная на отдельные темпоральные отрезки. В. Красик и О. Прохвачёва говорят: «Если соотнести типы отношения к жизни с временным разделением на прошлое, настоящее и будущее, то четко прослеживается векторная направленность каждого из них на тот или иной отрезок жизни: первая категория (пессимисты) направлена в прошлое; вторая (бонвиваны) пребывает в определенном моменте настоящего (в отличие от первой и третьей, данная категория именно зафиксирована во времени); люди, придерживающиеся третьей позиции (оптимисты), устремлены в будущее» (Красик 2005:264). Направленность надежды только на один из временных отрезков обусловлена спецификой культурно-исторического развития нации, что влияет на выбор способов возможного выживания в будущем и сопротивления неурядицам и катаклизмам. Как пример, тяготы и лишения в жизни национальной общности могут вызвать в её представителях надежду на возврат к «блаженному прошлому». Примером этого является лозунг «Польша от моря до моря», что возвращает поляков к их прошлой национальной гордости.

Специфика подобной надежды заложена в её репетитивном воспроизведении вне зависимости от существующих условий окружающей среды. Из этого утверждения выходит, что возможно ложное восприятие надежды, основанное на изолированном во времени понимании опыта существования в обществе. Выход из подобной ситуации возможен за счет отрицания ложной детализации «цепи социальных времен», в которой «звенья» принято рассматривать независимо друг от друга.

Необходимо отметить, что не только социальное время, но и пространство влияет на формирование надежды в национальном менталитете. В существовании социальной надежды важное место занимают горизонты ожидания, а которых говорит Дж. А. Симмонс (Simmons 2017). В менталитете они формируются за счет наблюдения за окружающей средой и социальным пространством. Горизонты ожидания выступают мерой жизни все живого, что отражается в каждой конкретной надежде и показывает её фактическую социальность.

Созерцание условий жизни и осмысление границ её фактической возможности дают подпитку для особой надежды у людей, которые проживают на обособленной территории. Г. Гачев описывает специфику понимания надежды в Грузии: «Дерево мягко, растет, умирает. Над ним властна смена времен года, оно несёт в себе идею изменения. Горы ж – неизменны. Идея круговорота, облегчающая существование и понимание (надежда, выход), здесь не так действует. В Космосе Грузии все остается, пребывает, потому что некуда деваться: каменистая почва. Остается и добро, и зло, грехи. Космос совести» (Гачев 2008:247). Таким образом, надежда может основываться как на идее изменения, так и на неизменности, что обусловлено во многом особенностями формирования национального менталитета, а также пониманием пространства и времени как составляющих жизни. Вместе с тем изменение темпоральной природы надежды возможно, если происходит изменение социального ландшафта, что и произошло в Грузии во время выбора евроинтеграционного вектора развития.

Удивительным образом надежда и ожидание имеют взаимосвязь со свободой как составляющей национального менталитета. В менталитете заложено разное количество причинно-следственных связей, в которых описывают возможные направления развития человека в данной общности. Если менталитет отражает практику несвободного социального обустройства, то

максимально четкая картина будущего исключает необходимость волевых усилий и доминирующую роль занимает ожидание.

Дезориентация в видении мира за счет увеличения вариативности образов будущего и принятия свободы в национальном менталитете нивелирует значение ожидания, но инкарнирует надежду как сосредоточие волевой готовности развития личности и общества. И так, ориентир на большое число причинно-следственных вероятностей стимулирует волевою активность как средство осмысления и переустройства перспективного сосуществования культурно-национальной общности.

Г. Гачев раскрывает специфику восприятия свободы и перспективы существования в зависимости от национального характера. Он пишет: «Во французской душе нет того гордого самочувствия изолированной личности, которое может иметь германец в глубине своего внутреннего мира (Innere) и содержать в Haus'e, доме своего «я» и в силу чего его самость (das Selbst) способна к самообоснованию и самоопределению в существовании. Для француза существовать – значит существовать в глазах соседа; впечатление, производимое на ближнего, рефлексивно приносит доказательство моего бытия» (Гачев 2008:139). Следовательно, внутренняя несвобода является более полезной для определения своего существования и является сочетанием умозримого пространства и времени в национальном характере германцев. При этом, внешняя несвобода французов «в глазах соседа» значительно мешает в восприятии перспективы за счет отрицания самостоятельного обоснования своего существования.

Социальная надежда как уникальная совокупность индивидуальных чаяний обладает свойством эмерджентности, которое предполагает выделение единой причинно-следственной цепи общественного развития. Социальная надежда ограничивает свободу индивидуальных надежд, трансформируя обособленные проекции будущего в ожидания. При этом доминирование перспективного индивидуализма отрицает возможность общей воли к изменениям в будущем.

Парадоксальность социальной надежды заключается в свободе от существующих устоев общественной жизни в менталитете для создания новых умозрительных картин ценностного мира будущего. Следовательно, она выступает иррациональной связью социальных времен, которая отражается в эквивалентном восприятии настоящего.

Существование социальной надежды и её отражение в национальном менталитете аподиктично, так как всесторонне обеспечивает выживание и развитие человека, периодически меняя численный состав субъекта данной проекции будущего.

Кроме количественных условий на характер надежды в ментальной среде влияет и качество условий жизни инициатора и субъекта проекционных отношений. Опираясь на закон перехода количественных изменений в качественные можно предположить, что чем сложнее условия жизни в обществе, тем парадоксальней сила надежды и больше количественный состав её субъектов. В противоположность сказанному отметим, что заложенная безнадежностью «бура социальных разрушений» влияет на дисгармоничную картину будущего, что влечет за собой антисоциальный характер грядущей надежды. Иногда это отражается в желании деструктивных перспектив для носителей иного менталитета (инаковидящих и инакомыслящих). Следовательно, социальная надежда выступает тем связующим звеном, которое объединяет всех представителей национальной общности в одном видении и практики организации их общего «вперед-бытия».

Заключение

Подводя итоги наших научных поисков можно сделать вывод, что социальная надежда рождается и погибает как национальная эмоция предощущения будущего, которая на основе когитации формирует предпонимания перспективы, что отражается в национальном менталитете. Личностная надежда – это тонкая и непредсказуемая грань между волевой готовностью и свершением задуманного. Социальная надежда есть средство для выживания народа, обусловленное его потенциалом и практикой в обустройстве окружающего мира в свою пользу. Оба этих проявления проекции будущего находят свое отражение в национальном понимании места, времени и способа жизни.

Свобода мыслить о существовании задает вектор понимания и развития надежды внутри человека и в обществе, что влияет на содержание картины как недалёкого будущего, так и перспективы национального масштаба. Опираясь на представления о времени и пространстве, в менталитете развиваются и фиксируются причинно-следственные вероятности, которые обеспечивают стабильное выживание культур-

но-национальной общности в обозримой перспективе.

Социальная надежда в национальном менталитете является выразителем морально-этических традиций выживания внутри, а также вне социальной конкуренции с представителями нетождественной общности. Уровень парадоксальности надежды в национальном мен-

талитете зависит от частоты травматических событий в жизни общности, что дает разное сочетание этого феномена с ожиданием и определяет линию развития в будущем. Особую роль в существовании социальной надежды играет наличие и качество «голоса нации», который служит образцом для будущего развития данной общности.

Литература

- Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.
- Красик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
- Кунанбаев А. Слова назидания. – Астана: Жазумы, 1970. – 128с.
- Лабковский М. Хочу и буду: Принять себя, полюбить жизнь и стать счастливым/ М. Лабковский. – М.: «Альпани Диджитал», 2017. – 146 с.
- Прасол А.Ф. Япония. Лики времени= Japan. The Changing face of the time: менталитет и традиции в современном интерьере/ Александр Прасол. – М.: Наталис, 2008. – 360 с.
- Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие/ Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
- Levi-Bruhl L. Primitive mentality. – London: Talor and Francis group, 2018. – 449 p.
- Fromm E. The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology –New York: Harper & Row, 2010. – 177 p.
- Green J.M. Pragmatism and Social Hope: Deepening Democracy in Global Contexts – New York: Columbia University Press, 2008. – 139 p.
- Myers D. G. Psychology Ninth edition – Holland, Michigan: Hope College, 2012. – 910 p.
- Rorty R. Philosophy and Social Hope. – London: Penguin Books, 1999. – 288p.
- Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. – London: Yale University Press, 1977. – 254 p.
- Scioli A. Le réseau de l'espoir // The World Book of Hope, 2016, P.22-23. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theworldbookofhope.be/>
- Simmons J.A. Living Joyfully after Losing Social Hope: Kierkegaard and Chrétien on Selfhood and Eschatological Expectation//Religions 2017, 8, 33 P.1-15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mdpi.com/2077-1444/8/3/33/html>

References

- Gachev G.D. (2008). Mental'nosti narodov mira [Mentality of the peoples of the world]. Moscow, 544. (in Russia).
- Inaya mental'nost' [Different mentality]. (2005). Moscow.352. (in Russia).
- Kornilov O.A. (2003) Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, 349. (in Russia).
- Kunanbaev A. (1970). Slova nazidaniya [Words of edification]. Astana, 128. (in Russia).
- Labkovskij M. (2017). Hochu i budu: Prinyat' sebya, polyubit' zhizn' i stat' schastlivym [I want and I will: Accept myself, love life and become happy]. Moscow. 146. (in Russia).
- Prasol A.F. (2008) Yaponiya. Liki vremeni= Japan. The Changing face of the time: mentalitet i tradicii v sovremennom inter'ere [Japan. Faces of time = Japan. The Changing Face of the Time: Mentality and Traditions in the Modern Interior]. Moscow, 360. (in Russia).
- Radbil' T.B. (2010). Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: ucheb. posobie [Basics of studying language mentality: studies allowance]. Moscow. 328. (in Russia).
- Levi-Bruhl L. (2018). Primitive mentality. London: Talor and Francis group, 449. (in English).
- Fromm E. (2010). The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology New York: Harper & Row, 177. (in English).
- Green J.M. (2008). Pragmatism and Social Hope: Deepening Democracy in Global Contexts. New York: Columbia University Press, 139. (in English).
- Myers D. G. (2012). Psychology Ninth edition – Holland, Michigan: Hope College, 910. (in English).
- Rorty R. (1999) Philosophy and Social Hope. London: Penguin Books, 288. (in English).
- Scott J.C. (1977). The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. London. Yale University Press, 254. (in English).
- Scioli A. (2016). Le réseau de l'espoir // The World Book of Hope, 22-23. <http://www.theworldbookofhope.be/> (in French).
- Simmons J.A. (2017). Living Joyfully after Losing Social Hope: Kierkegaard and Chrétien on Selfhood and Eschatological Expectation//Religions, 8, 33, 1-15. <http://www.mdpi.com/2077-1444/8/3/33/html> (in English).